

ПРОБА ПЕРА / FIRST STEPS

Научная статья/ Research article

Узбекская диаспора в Москве

И. А. Танчук

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: tanchuk.irina.alexeevna@mail.ru

Аннотация. В современной России вопросы устойчивой демографической динамики особым образом актуализированы. Ключевое место в их числе занимает проблематика миграций, включая и такие её приоритетные аспекты, как анализ важнейших факторов и направлений миграционных потоков, их этническая структура, а также воздействие миграции на этнодемографические и этнокультурные изменения в российских регионах. Весь постсоветский период подавляющую часть миграционного прироста населения России обеспечивали государства Центральной Азии. Этот процесс уже с середины 2000-х гг. сопровождается укоренением, ростом локализованных на территории Российской Федерации диаспор ведущих центральноазиатских этносов: в первую очередь представителей узбекской, киргизской и Узбекской национальности. В статье акцентированы геоэкономические факторы иммиграции в Россию, выделены пространственные особенности формирования диаспор народов Центральной Азии (с максимальной детализацией для наиболее многочисленной этнической общности Центрально-Азиатского макрорегиона — узбекского этноса). Показано, что на фоне практически повсеместного роста численности узбекской диаспоры наибольшую привлекательность для иммигрантов демонстрируют экономически высокоразвитые территории — столичный регион и их ближайшая периферия.

Ключевые слова: миграция, диаспоры, демографическая динамика, регионы, Россия, постсоветский период. Центральная Азия.

Для цитирования: Танчук И. А. Узбекская диаспора в Москве // Постсоветские исследования. 2022; 6(5):647-655.

Uzbek Diaspora in Moscow

Irina A. Tanchuk

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: tanchuk.irina.alexeevna@mail.ru

Abstract. In modern Russia, the issues of sustainable demographic dynamics are particularly relevant. The key place among them is occupied by the problems of migration, including such priority aspects as the analysis of the most important factors and directions of migration flows, their ethnic structure, as well as the impact of migration on ethnodemographic and ethno-cultural changes in Russian regions. Throughout the post-Soviet period, the vast majority of the migration growth of the Russian population was provided by the states of Central Asia. This process has been going on since the mid-2000s. It is accompanied by the rooting and growth of diasporas of the leading Central Asian ethnic groups localized on the territory of the Russian Federation: first of all, representatives of Uzbek, Kyrgyz and Uzbek nationalities. The article focuses on the geo-economic factors of immigration to Russia, highlights the spatial features of the formation of diasporas of the peoples of Central Asia (with maximum detail for the largest ethnic community of the Central Asian macroregion — the Uzbek ethnic group). It is shown that against the background of almost universal growth in the number of the Uzbek diaspora, economically highly developed territories — the capital region and their immediate periphery - demonstrate the greatest attractiveness for immigrants.

Keywords: migration, diasporas, demographic dynamics, regions, Russia, post-Soviet period. Central Asia.

For citation: Irina A. Tanchuk. Uzbek Diaspora in Moscow // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;6(5):647-655 (In Russ.).

Миграции постсоветских лет заметно изменили этнический состав населения многих российских регионов. К причинам этих миграций относятся распад СССР, сложные социально-экономические условия в государствах Закавказья и Центральной Азии, военные и межэтнические конфликты. Под воздействием этих обстоятельств происходили масштабные миграции в Москву. Так в регионе появлялись «новые» диаспоры. Они сохраняют свои обычаи и культуру, часто предстают своего рода этническими анклавами. Одним из таких «новых» для края народов являются узбеки.

Значительный вклад в разработку методологии изучения диаспоральных отношений внесли и отечественные социальные исследователи. В частности, по мнению Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, диаспора представляет собой устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, которая живет в иноэтничном окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеет социальные институты для развития и функционирования данной общности. Как метафорично отмечает В.И. Дятлов, диаспора некий отделившийся кусок этнического материка, его «сколок», продолжение, несущее в себе все его основные характеристики. Попытки теоретического осмысления и типологизации данного понятия принадлежат А.Ю. Милитареву, В.Д. Попкову и др. [Кашпур, Поправка 2018].

Широкий пул работ советских и российских авторов представлен результатами практикоориентированных исследований, направленных на выявление конкретных особенностей функционирования диаспор, их интеграции в принимающее сообщество. Так, научный коллектив под руководством А.В. Дмитриева проанализировал проблемы взаимодействия земляческих диаспор не только с местным населением, но и с прибывающими мигрантами. Национальный фактор принимался во внимание при изучении диаспоральных сообществ в работах А.А.

Авагимян, В. Кардумян и О.А. Щербиной об армянах, З. Алиева и Г.А. Ализаде об азербайджанцах, И.Л. Поздеева и А.А. Арзамасова об узбеках и др. Зачастую при изучении данного феномена в региональных пространствах прослеживается сдвиг в сторону этнографии. Вскользь о диаспоральных особенностях упоминается в социологических работах, посвященных межэтническим отношениям, а также особенностям межкультурной адаптации и интеграции представителей этносов в региональном сообществе [Левин 2019].

Процессы становления и развития диаспор народов Центральной Азии привлекают все больше внимание ученых. Миграционные и этносоциальные тенденции в Узбекской диаспоре Перми, Оренбурга и Екатеринбурга изучены в публикациях А.В. Черных, В.В. Амелина, Т.М. Баротова и В.И. Мукомеля. Сообщество московских узбеков пока специалистами не рассматривалось.

Глобальные изменения, происходящие в начале третьей декады XXI в., внесли коррективы на реализацию национальных стратегий развития и на геополитические процессы в Центральной Азии. Воздействие пандемии коронавируса стало серьезным испытанием для устойчивого развития Узбекистана в 2020 г. В связи с пандемией коронавируса Узбекистан, как и многие страны мира, выбрал практику определенной изоляции от окружающих государств. В Узбекистане в целях противодействия пандемии избрали «мягкий» режим «самоизоляции», перекрыв границы, прекратив воздушные и железнодорожные перевозки.

Распространение пандемии в Узбекистане привело к определенному ослаблению имеющихся связей промышленного и сельскохозяйственного производств и поставок товаров, перерыву работ гражданских авиа и железнодорожной коммуникации, сферы туризма и т.д. Закрывание границ уже привело к подорожанию продуктов питания и основных промышленных товаров, а из-за введенных карантинных мер в странах традиционного пребывания трудовых

мигрантов упал приток денежных переводов [Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика 2014]. В ближайшей перспективе Узбекистану, также как и другим государствам Центральной Азии, основные усилия придется прилагать не только для реализации Национальной стратегии развития, но и на преодоление кризиса до и после пандемии.

Ценность знания имеет исключительное значение в созидании человеческой культуры и цивилизации. Знание формирует отдельного человека и целые общества, лежит в основании взаимного общения стран и народов. Особое отношение к знанию характеризует страны и народы, строящие свои связи на прочном фундаменте глубокого взаимопонимания, ведущего к долгосрочной дружбе и взаимному согласию. К таким странам, безусловно, принадлежат Россия и Узбекистан. К таким народам принадлежат узбекский и русский народы.

Россия и Узбекистан входят в мировую культурную историю как уникальные центры науки, образования и просвещения. Искони русскому и узбекскому народу была присуща особая познавательная культура, особое видение познавательных способностей человека. Свою миссию оба народа усматривали в творческом освоении, приращении и сбережении человеческих знаний, в развитии и сохранении ценностей и достижений культуры. Именно поэтому их отношения были результативными и плодотворными, насыщенными взаимным сотрудничеством и свершениями.

Присущее обоим народам отношение к знанию выражалось, прежде всего, в представлении о неразрывной, сущностной связи знания и этики, в единстве знания и нравственного сознания, в истолковании сути познавательной деятельности человека как деятельности, имеющей ценностное измерение. Подчеркнем, что в среднеазиатском Возрождении и узбекском просвещении, а также в русском Возрождении и русском просвещении,

человеческое познание никогда не разобщалось с миром нравственных норм и императивов, имело четкий ценностный стержень и гуманистический смысл. Здание познания здесь строилось на надежном основании этики [Политика интеграции мигрантов 2020].

Познавательная культура, культура познания узбекского и русского народа обладает неповторимыми чертами. Речь идет о видении содержания знания как ценностно соотнесенного, нравственно значимого. Речь идет о понимании укорененности познания в системе духовно-интеллектуальных, неутилитарных ценностей гуманистических ценностях нравственно-разумной человечности, отражающих самоосуществление человека на путях истины, добра и красоты. В таком случае познание обретает способность формировать и совершенствовать человеческое бытие, творить облик подлинно культурного духовно-нравственного человека. Познание не сводится к набору исключительно утилитарно осознанных фактов и практик. По своему существу оно содействует гуманному облагораживанию и духовному росту человеческой личности.¹

Свойственное народам России и Узбекистана утверждение ценностно-нравственного смысла познания выражается в его культурно-центрическом видении. Следуя этому видению, мир человеческого знания неотчуждаем от мира ценностей, образующих мир культуры. Мир человеческого знания неразрывно соединен с культурными космосами конкретных народов, стран и цивилизаций. Человеческое знание не безжизненно и внеисторично. Оно существует в недрах культурных миров истории, воплощено в них, представлено ими.

Человеческое познание являет собой целостный онтокультурный процесс. Человеческое познание осуществляется через живое, действенное сопричастие бытию культуры, совершается посредством творческого участия в ее ценностных

¹ Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // «Национальный интерес». Специальный проект журнала «Россия в глобальной политике».

Электронный ресурс. -URL: <http://globalaffairs.ru/valday/Trudovaya-migratsiya-iz-Tcentralnoi-Azii-v-Rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa-18333>.

системах. Достижение и освоение знаний возможно через породившие их культурные миры, через познание и освоение их ценностных систем. Познание мира и человека реализуется через познание культуры, ибо всякое знание, в конечном счете, существует в соотнесенности с конкретными, своеобразными и неповторимыми ценностно определенными культурными мирами. Проникновение в эти миры расширяет горизонты познавательного совершенствования и роста.

Когда освоение и накопление знаний идет рука об руку с глубинным проникновением в иные культурные миры, постижение иной, содержательно богатой культуры предстает как важнейшая познавательная задача, мыслится условием собственного прогресса и развития. В данной ситуации межкультурное взаимодействие приобретает особый смысл. Оно претворяется в процесс приращения своего культурного потенциала. Одновременно оно видится как дарение себя другим, расходование своего культурного ресурса на обогащение иных культурных миров. Именно этими путями шли в истории народы России и Узбекистана.

Исторические связи России и Узбекистана всегда имели мощную культурно-просветительскую составляющую. Плодотворное взаимодействие в области всех форм интеллектуальной жизни, в том числе науки и образования, стало парадигмальным для сотрудничества обеих стран. Именно сфера интеллектуальной кооперации в течение столетий определяла исключительно позитивный фон отношения двух стран, объединяя усилия их народов через усилия их лучших сынов в общем движении к совершенству, процветанию и прогрессу [Ташкенбаева 2019].

Стремление к взаимному сотрудничеству между народами России и Узбекистана имеет глубокие исторические предпосылки. Продуктивный опыт культурного взаимодействия славянской восточно-христианской цивилизации России и тюркской среднеазиатско-мусульманской цивилизации Мавераннахра коренится в близости ценностей этих евразийских

культурных миров. Ценностные системы народов России и Узбекистана во многом имеют родственные смыслы и архитектуру. Стоит отметить, что на сходство тюркской и русской ментальности доказательно указывали ученые-евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Л.Н. Гумилев, А.С. Панарин и др.), видящие славяно-тюркское единение одним из решающих факторов развития Культурной Евразии.

Ценностные системы русского и узбекского народа всегда характеризовали традиционность и нравственный консерватизм. Эти системы включают близкие представления о едином Боге, вечном смысле неповторимой человеческой жизни, особом положении человека в мире. Оба народа имеют сходное видение взаимного солидарного служения человека человеку. Подобное видение выражается в семейственности, дружелюбности, честности и взаимном уважении. Подобное видение проявляется в мужественности и героизме в отстаивании идеалов справедливости и добра. Оно предельно отчетливо кристаллизуется в особой жертвенной этике культурного и цивилизационного строительства, когда отдельный человек и целый народ способны беззаветно жертвовать своими силами и ресурсами для общего блага и цели.

Русскому и узбекскому народу свойственен особый культурно-цивилизационный интеграл, раскрывающийся в тяготении к мощным объединительным культурным и цивилизационным проектам, в стремлении выразить себя через собиравание, сосредоточение своих и чужих сил в масштабных исторических задачах и свершениях. Оба народа имеют близкие представления о сплачивающей и объединяющей, а, следовательно, определяющей роли знания в деле созидания культуры и цивилизации [Каримова 2014: 599].

Представления об особой роли знания многогранно раскрылись в создаваемых русским и узбекским народом грандиозных интегральных проектах культурного просвещения, охватывающих пространные

географические территории и большие исторические эпохи. Эти представления отразились в том исключительном значении, которое приобрел культурно-просветительский проект среднеазиатского Возрождения для исторического самоопределения культурных миров России и Узбекистана, для глубокого взаимного познания и длительного результативного сотрудничества узбекского и русского народа [Бируни 2011: 43].

Итак, с момента распада СССР и до сегодняшнего дня в Российскую Федерацию, и, в частности, в Москву, идет непрерывный поток трудовых мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев из стран Центральной Азии бывших советских республик, для которых Россия по-прежнему остается «общим домом». Масштабы, формы и направления миграционных потоков создают целый ряд сложных проблем, которые требуют новых решений у властей, общественных структур [Максакова 2008].

Притягательность Москвы для мигрантов из Центрально-Азиатского региона обусловлена рядом исторических, экономических, политических и социокультурных факторов.

Исторически сложившаяся на Евразийском пространстве миграционная система базируется на разнообразных тесных связях между странами бывшего Советского Союза, знании русского языка, понимании менталитета и культурных особенностей российского населения. Данное обстоятельство, безусловно, существенно снижает социокультурную дистанцию между мигрантами и принимающим населением (особенно представителями старшего поколения).

На сегодняшний день в России сложились «притягательные» экономические условия для трудовой миграции из стран Центральной Азии: масштабный и диверсифицированный рынок труда, растущая потребность в рабочей силе во многих отраслях экономики, более высокий уровень зарплат и качества жизни.

В реализации условий интеграции важнейшую роль играют национальные диаспоры — социальные образования, возникающие на основе национальных

меньшинств, находящиеся за пределами своей исторической родины и обладающие рядом характерных признаков (поддержка этнокультурной идентичности, солидарность и взаимопонимание между членами группы, коллективная память об исторической родине и т.д.) [Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика 2014].

Наиболее актуальной и точной нам представляется определение З.И. Левина, который под диаспорой понимает «устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в этнокультурном окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа)» [Максакова 2014: 415-416].

Диаспоры могут действовать в двух организационных формах: как некоммерческие организации и как общественные объединения, которые, в свою очередь, делятся на национально-культурные автономии и общественные организации (фонды, ассоциации, культурные центры).

В Узбекистане из-за высокого демографического потенциала и ограниченного числа рабочих мест внутри страны сохраняется высокий спрос на работу за рубежом. Трудовая эмиграция исходит в основном из Андижанской и Самаркандской областей. По оценкам узбекского исследователя Л.П. Максаковой 10, 80—85% трудовых эмигрантов из Узбекистана направляется в страны СНГ, преимущественно в Российскую Федерацию и Республику Казахстан. Также постепенно увеличивается поток трудовой миграции из Узбекистана в США, Израиль, Грецию, ОАЭ, Турцию, Иран, Корею и другие страны за пределами бывшего СССР. Однако рынки труда этих стран для узбеков малодоступны. Во многих странах возникают проблемы с получением рабочих виз, приходится преодолевать высокую конкуренцию с мигрантами из России, Украины и других стран СНГ, Восточной Европы, бывшей Югославии. Кроме того, мешает отсутствие необходимого трудового опыта, низкая конкурентоспособность рабочей силы, слабое знание иностранных языков и т.д. Поэтому масштабы этого миграционного

потока относительно невелики и подавляющее большинство узбекских трудовых мигрантов пока осуществляют свою трудовую деятельность в пределах СНГ. Этому способствуют спрос на рабочую силу в России и Казахстане, не столь высокий языковой барьер, безвизовый режим въезда, давние партнерские, родственные и дружеские связи.

Определить реальные масштабы трудовой эмиграции из Узбекистана и численность узбекской трудовой диаспоры достаточно трудно. Начиная с 2004 года блок вопросов по трудовой миграции был включен в программу ежеквартальных выборочных обследований домохозяйств по вопросам занятости и безработицы, осуществляемых Министерством труда и социальной защиты населения (выборка охватывает 1% населения Узбекистана). По результатам опроса определяется расчетная численность трудовых эмигрантов за рубежом, что в какой-то мере позволило прояснить ситуацию с масштабами трудовой эмиграции [Бедрина, Шаболина 2012: 310-316].

Например, по этим данным, в 2005 году численность официально зарегистрированных трудовых эмигрантов составила 263 тыс. человек, а в 2007 году — более 400 тыс. человек. В то же время эксперты утверждали, что это неполные сведения. В частности, исследователь С. Олимова считает, что в 2005 году численность трудовых эмигрантов из Узбекистана составляла от 800 тыс. до 2 млн человек. По оценкам исследователя из Узбекистана Л.П. Максаковой, основанным на материалах выборочных социологических обследований и данных исследователей принимающих стран, в трудовую эмиграцию и внутреннюю трудовую миграцию включены не менее 1 млн человек¹². По данным Всемирного банка, за пределами Узбекистана в 2010 году работали 1 955 тыс. узбекских граждан, или 7% населения страны. Данные национальной статистики, опубликованные Статкомитетом СНГ, показывают, что в регионе в 2013 году численность узбекских граждан составляла около 480 тыс. человек.

Однако эти данные сильно занижены, прежде всего, потому что сведения не включают патенты для работы у физических лиц, выданные в Российской Федерации и Республике Казахстан. Если добавить к этому количеству 595 тыс. патентов, выданных только в России в 2013 году, то численность узбекских рабочих в СНГ составит около 1,1 млн человек.

Трудоустройство узбекских граждан, как правило, организуют этнические узбеки, ранее выехавшие из Узбекистана и обосновавшиеся в России. В последние годы они приезжают на родину и нанимают родственников и знакомых для работы в России. Многие мигранты из Узбекистана ездят на временную сезонную работу в Россию весной и летом, а осенью возвращаются на родину. Определенная часть узбекских трудовых мигрантов живет в России без регистрации по месту пребывания и (или) работает без разрешения на работу или патента. Являясь недокументированными мигрантами, многие из них абсолютно не защищены.

В России мигранты из Узбекистана концентрируются в пограничных с Казахстаном регионах — в Астраханской, Самарской, Саратовской, Омской областях, Алтайском крае [Мукомель 2013]. Также много узбекских трудовых мигрантов работают в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Калининградской области. Расселение и трудоустройство узбекских трудовых мигрантов преимущественно близ границы с Казахстаном обусловлено их желанием чаще выезжать на родину, отраслевой структурой экономики и миграционной политикой российских регионов.

По данным переписи населения 2010 года, в России насчитывалось 131 тыс. узбекских граждан, которые относились к категории постоянного населения (то есть жили в России более одного года). По данным ФМС, в 2013 году в российской экономике работали официально более 1,1 млн трудовых мигрантов из Узбекистана, в том числе с разрешениями на работу 477 тыс. и с патентами 595 тыс. человек. Большинство узбекских граждан в России с разрешениями на работу у юридических лиц работали в

строительстве (37%), промышленности (17%), торговле (12%), сельском хозяйстве (11%), сфере обслуживания (11%), транспорте (4%), жилищно-коммунальном хозяйстве (3%).

К сожалению, статистика трудовой миграции в отраслевом и страновом разрезе за более поздние годы в России недоступна. Но введение патентов для работы у физических лиц привело к тому, что значительная часть документированных мигрантов из Узбекистана теперь статистически «переместилась» в «домашнюю экономику» (примерно половина из них занята теперь именно здесь). Демографические прогнозы свидетельствуют, что Республика Узбекистан, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, останется для Российской Федерации и Республики Казахстан одним из основных поставщиков иностранной рабочей силы.

Информация о роли узбекской диаспоры в социально-экономическом развитии Узбекистана носит ограниченный характер. Прежде всего, вклад трудовых мигрантов может рассматриваться в контексте денежных переводов. В частности, поданным Центрального банка (ЦБ) России, размеры денежных переводов из Российской

Федерации в Республику Узбекистан в 2020 году составили 6,6 млрд долл. По данным ЦБ России, масштабы трансграничных операций физических лиц, находящихся в Российской Федерации, с Узбекистаном в 2020 году достигли 6,1 млрд долл., в том числе в пользу физических лиц-нерезидентов в Узбекистан было 5,7 млрд долл. Как используются данные переводы, оценить сложно, поскольку исследований по Узбекистану мало, а официальные данные весьма скудны.

Выводы. Следует заключить что, в 2022 году, работа Узбекской диаспоры Москвы, в области социальной адаптации может быть эффективной только в случае их тесного взаимодействия с местными органами власти и общественными структурами, что, в частности, предполагает оказание диаспоральной структуре различных форм помощи, организацию совместной консультативной деятельности, включение представителей этнических меньшинств в различные ведомственные экспертные советы и другие контрольные комиссии и т.д.

Представители национальных диаспор демонстрируют высокую степень лояльности по отношению к органам власти. Среди представителей национальных диаспор преобладают оптимистические взгляды на ближайшее будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедрина Е.Б., Шабалина К.А.* Мотивы иммиграции в современной России. / Демографический и миграционный потенциал Урала: материалы круглых столов III Уральского демографического форума с международным участием. - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. -С. 310–316.
- Бируни. Минералогия / Пер. А. М. Беленицкого. 2-е изд. СПб.2011. С. 43. Имеется в виду характеристика сочинения аль-Бируни, которую дал академик С. П. Толстов. См.: Толстов С. П. Бируни и его «памятники минувших поколений» / Бируни Абу Рвйхан. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 2015
- Калинина К.В.* Национальные меньшинства в постсоветских государствах как фактор национальной политики // Вопросы политологии. 2018. № 4.
- Каптур В.В., Поправке И.Г.* Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (Томский кейс) // Вестник Томского университета. -2018. -№354.
- Конрад Н. И.* Запад и Восток. М.: Наука, 1966. Гульга А. В. Н. И. Конрад как философ // Проблемы истории и теории мировой культуры. М.: Наука, 1974. См. Совастеева Ю. В. Академик Н. И. Конрад и его концепция Возрождения на Востоке // Россия и АТР. 2013. №1. О периодизации среднеазиатского Возрождения см. Хайруллаев М. М. Фараби - крупнейший мыслитель средневековья. (К 1100-летию со дня рождения Абу Насра Фараби). Ташкент, 1973. Ташкенбаева Д. А. Восточный Ренессанс и его культурное наследие: взгляд зарубежных исследователей // Колпинские чтения по краеведению и туризму. РГПУ им. А. И. Герцена. 2019.

- Курьлев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А.* Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 315-327.
- Левин З.И.* Менталитет диаспоры. Системный и социокультурный анализ. М.: Институт востоковедения РАН. Издательство «Крафт+», 2019.
- Максакова Л. П.* Внутренняя трудовая миграция. / В сб. «Трудовая миграция в Республике Узбекистан» / Отв. ред. Е. В. Абдуллаев. - Т., 2008.
- Максакова Л. П.* Узбекистан в системе международных миграций. // Демоскоп, 2010, № 415–416. [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/institut/institute.html
- Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель М.: НИ «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека «Academia», 2014.
- Мукомель В.И.* 2013. Политика интеграции мигрантов циял,риски: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига. 33 с.
- Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2020.
- Цит. по: Каримова М. Ж. Улугбек как покровитель науки и искусный дипломат / М. Ж. Каримова, М. Ахмедова, М. М. Алимова И Молодой ученый. 2014. № 6(65). С. 599.

REFERENCES

- Bedrina E.B., SHabolina K.A.* Motivy immigracii v sovremennoj Rossii. / Demograficheskij i migracionnyj potencial Urala: materialy kruglyh stolov III Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem. - Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2012. -S. 310–316.
- Biruni.* Mineralogiya / Per. A. M. Belenickogo. 2-e izd. SPb.2011. S. 43. Imeetsya v vidu harakteristika sochineniya al'-Biruni, kotoruyu dal akademik S. P. Tolstov. Sm.: Tolstov S. P. Biruni i ego «pamyatniki minuvshih pokolenij» / Biruni Abu Rvjhan. Izbrannye proizvedeniya. T. I. Tashkent, 2015
- Kalinina K.V.* Nacional'nye men'shinstva v postsovetskih gosudarstvah kak faktor nacional'noj politiki // Voprosy politologii. 2018. № 4.
- Kashpur V.V., Popravke I.G.* Sociokul'turnaya adaptaciya migrantov: problemy i strategii (Tomskij kejs) // Vestnik Tomskogo universiteta. -2018. -№354.
- Konrad N.I.* Zapad i Vostok. M.: Nauka, 1966. Gulyga A. V. N. I. Konrad kak filosof // Problemy istorii i teorii mirovoj kul'tury. M.: Nauka, 1974. Sm. Sovasteeva YU. V. Akademik N. I. Konrad i ego koncepciya Vozrozhdeniya na Vostoke // Rossiya i ATR. 2013. №1. O periodizacii sredneaziatskogo Vozrozhdeniya sm. Hajrullaev M. M. Farabi - krupnejshij myslitel' srednevekov'ya. (K 1100-letiyu so dnya rozhdeniya Abu Nasra Farabi). Tashkent, 1973. Tashkenbaeva D. A. Vostochnyj Renessans i ego kul'turnoe nasledie: vzglyad zarubezhnyh issledovatelej // Kolpinskiye chteniya po kraevedeniyu i turizmu. RGPU im. A. I. Gercena. 2019.
- Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Hotivrishivili A.A.* Миграционные потоки из Central'noj Azii v strany Evropejskogo soyuza // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Т. 18. № 2. С. 315-327.
- Levin Z.I.* Mentalitet diasпоры. Sistemnyj i sociokul'turnyj analiz. M.: Institut vostokovedeniya RAN. Izdatel'stvo «Kraft+», 2019.
- Maksakova L.P.* Vnutrennyaya trudovaya migraciya. / V sb. «Trudovaya migraciya v Respublike Uzbekistan» / Отв. ред. Е. В. Abdullaev. - Т., 2008.
- Maksakova L.P.* Uzbekistan v sisteme mezhdunarodnyh migracij. // Demoskop, 2010, № 415–416. [Elektronnyj resurs]. URL: www.demoscope.ru/institut/institute.html
- Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель М.: НИ «Central'nyj Dom advokata», Moskovskoe byuro po pravam cheloveka «Academia», 2014.
- Mukomel' V.I.* 2013. Politika integracii migrantov cial,riski: rabochaya tetrad'. M.: Speckniga. 33 s. Politika integracii migrantov v Rossii: vyzovy, potencial, riski: rabochaya tetr. / Rossijskij sovet po mezhdunar. delam (RSMD). M.: Speckniga, 2020.
- Cit. по: Каримова М. ЗH. Улугбек как покровител' науки и искусный дипломат / М. ЗH. Каримова, М. Ahmedova, М. М. Alimova I Molodoj uchenyj. 2014. № 6(65). S. 599.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Танчук Ирина Алексеевна, магистр в области «Международных отношений». Москва, Россия, E-mail: 1032205910@rudn.ru
Irina A. Tanchuk, Master of International Relations. Moscow, Russia, e-mail: 1032205910@rudn.ru